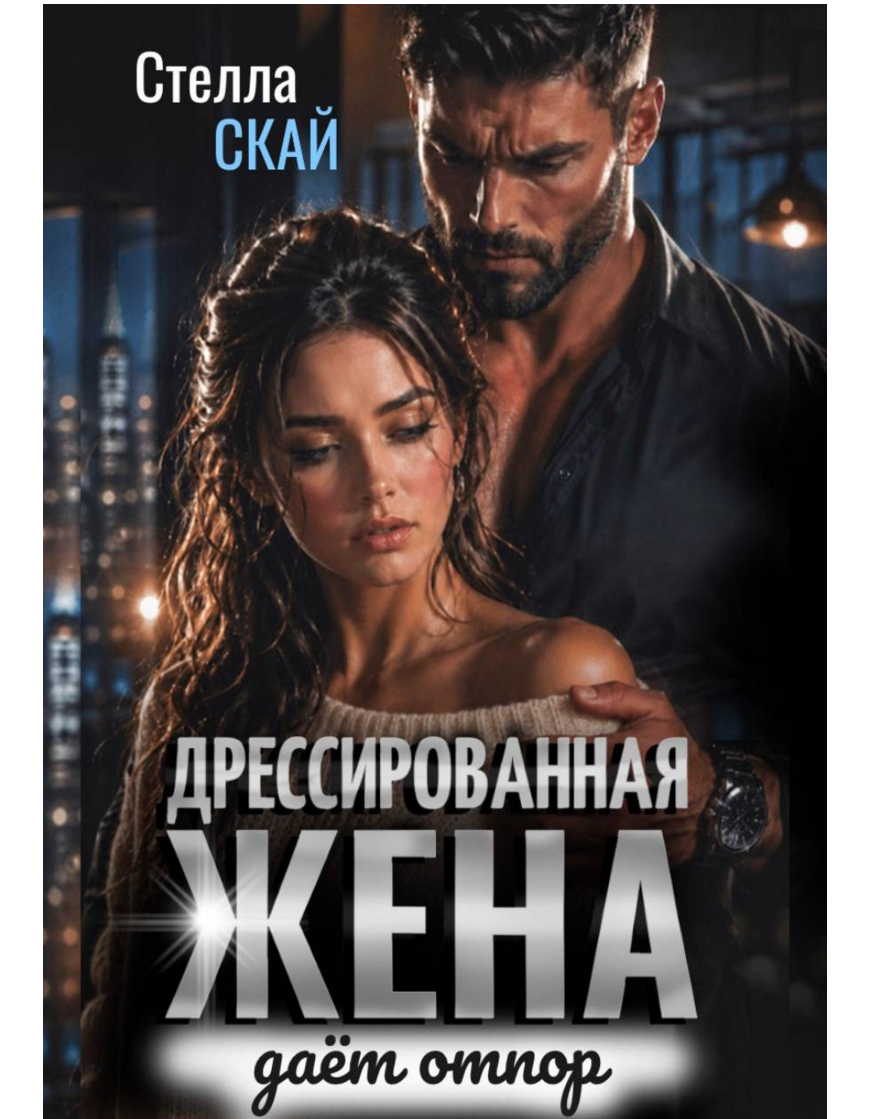

Стелла
СКАЙ

ДРЕССИРОВАННАЯ
ЖЕНА

даёт отпор

Стелла Скай

Дрессированная жена даёт отпор

<https://litres.ru/74038724>

SelfPub; 2026

Аннотация

- У меня дрессированная жена.

Мой муж произносит это почти лениво, пока тащит меня за руку к двери.

Любовница чуть склоняет голову, наблюдая за мной с откровенным любопытством, будто я не человек, а смешная домашняя зверушка.

- И она правда утром вернётся?

- Вернётся. Обед приготовит.

Я поднимаю на него глаза.

- Антон не надо. Мне некуда идти.

Но его лицо остаётся спокойным. Раздражённым. Чужим.

Пощёчина.

Хлёсткая. Унизительная. Такая, после которой не столько больно, сколько стыдно за то, что это происходит с тобой.

Дверь закрывается перед моим лицом.

Я остаюсь в подъезде с горячей щекой и одной мыслью: куда теперь?

Через час я буду сидеть на остановке под дождём.

И не узнаю при первом взгляде мужчину, который остановится рядом.

Глеб Соколов.

Бывший школьный хулиган. Взрослый, сильный, опасно спокойный.

- Синицына, ты почему плачешь?

Я тогда ещё не знаю, что эта ночь станет последней, когда меня можно было унижить.

Потому что утром я уже буду не одна.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4. Глеб	27
Глава 5. Лена	34
Глава 6	39
Глава 7	44
Глава 8. Глеб	51
Глава 9. Лена	59
Глава 10	65
Глава 11	71
Глава 12	78
Глава 13	83
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Дрессированная жена даёт отпор

Глава 1

Я стою у плиты, машинально помешивая густой соус, который уже начал подгорать по краям, и понимаю, что даже не чувствую запаха - ни терпкой томатной кислинки, ни пряного базилика, ни легкой горечи обжаренного чеснока.

Будто между мной и этим миром стоит стеклянная стена, и всё, что происходит вокруг, доходит до меня приглушённо, как сквозь толщу воды.

Телефон лежит на столе экраном вверх. Я уже в пятый раз перечитываю короткое сообщение: “Буду через 30 минут”.

Без смайликов. Без лишних слов.

Как приказ.

Я автоматически смотрю на часы, хотя знаю - прошло всего пять минут с того момента, как он написал. Время здесь течёт странно: когда мужа нет дома - оно вязкое, тянущееся, как остывающий сироп, а когда он должен вернуться - начинает колотиться в висках, будто отсчитывает последние секунды перед чем-то неизбежным.

Квартира у нас большая... точнее, у него. Оформленная на него, выбранная им, оплаченная им - как он любил напо-

минать.

Серо-бежевые стены, гладкие холодные поверхности, идеально ровные линии мебели - всё выглядит так, как на картинках в журналах, и, наверное, со стороны кажется уютным и правильным, но для меня это место давно перестало быть домом. Здесь слишком тихо, слишком правильно, всё слишком... чужое.

Любви уже давно нет. Я даже не помню, когда именно она исчезла. Не было никакого ключевого момента, никакой точки, после которой всё стало другим. Она высохла, как цветок без воды: сначала опустились листья, потом поблекли лепестки, а потом стало ясно, её больше нет. Остался только страх: сказать не то, посмотреть не так, не угадать его настроение.

Я снова открываю духовку, хотя понимаю, что ужин уже готов, просто мне нужно что-то делать руками, чтобы не думать.

Потому что если я начну думать - мне станет слишком тяжело дышать.

Когда-то у меня были друзья и подруги. Я помню смех, разговоры до ночи, шумные встречи, запах кофе и дешёвых духов в тесных кухнях, где мы делились всем на свете.

Антон появился в моей жизни ярко, уверенно, с той самой улыбкой, от которой невозможно отвести взгляд. Он был внимательным, заботливым, он слушал меня, и мне казалось, что так будет всегда.

А потом...

- Я просто ревную, - говорил он, слегка улыбаясь, и обнимал меня так, будто защищает от всего мира. - Ты у меня слишком красивая, Лена. Я боюсь тебя потерять.

И я верила.

Сначала я стала реже встречаться с друзьями, потому что Антон говорил: «Ну правда, зачем тебе они, если у тебя есть я?». Потом перестала делиться с ними чем-то важным, ведь «они тебе не друзья, раз обсуждают тебя за спиной». А вскоре и вовсе начала избегать их, потому что Антон находил повод для ссоры после каждой моей встречи с ними.

С подругами было сложнее. Они чувствовали, что что-то не так, задавали вопросы, пытались достучаться до меня. Но он всегда находил слова - точные, холодные, убедительные.

- Они тебе завидуют.

- Им не нравится, что ты счастлива.

- Они тянут тебя вниз.

И я снова верила.

А тех, с кем не получилось рассорить, он просто... вычеркнул.

- Я не хочу, чтобы ты с ними общалась, - спокойно сказал он однажды, глядя мне прямо в глаза. - Это плохо влияет на наши отношения.

Он говорил спокойно. Даже мягко. Но после его слов выбора почему-то не оставалось. Он всегда знал, как должно быть и всегда этого добивался. Любыми способами.

Потом он настоял, чтобы я ушла с работы, хотя мне там очень нравилось. Говорил, что женщина должна поддерживать уют в доме. Говорил, что скоро будут дети, и мне будет некогда работать.

Я была счастлива. Я правда хотела детей. Хотела, чтобы у них был дом, где не нужно бояться шагов в коридоре. Не так, как было у меня.

Только сейчас, когда стало уже слишком поздно, я понимаю, чего он в действительности добивался.

Я осталась одна.

И самое страшное - я привыкла к этому.

Телефон снова вибрирует, и я вздрагиваю так, будто меня ударили. Но это всего лишь уведомление от банка.

Я опускаюсь на стул, чувствуя, как внутри растёт тяжесть, давящая, липкая, как густой туман.

Мне некуда идти.

Это правда, от которой невозможно отвернуться.

У меня нет своей квартиры. Нет денег, которыми я могла бы распоряжаться свободно. Нет работы. Нет людей, к которым можно прийти и просто сказать: «Мне плохо».

Он позаботился об этом.

Я закрываю глаза, и передо мной всплывают воспоминания из детства - кухня в старой квартире, запах супа, мама у плиты, и папа, который говорит что-то резкое, а мама молчит, опустив глаза. Тогда мне казалось, что так у всех. Что это нормально.

Потом я выросла и поняла - нет, не у всех. Так не должно быть. Я поклялась себе, что у меня будет иначе. И сначала... так и было.

Наверное, у мамы тоже сначала всё было хорошо.

Мысль об этом обжигает сильнее, чем горячий пар из кастрюли.

Мамы больше нет.

А папа...

Я горько усмехаюсь, открывая глаза.

Папа на его стороне. Впрочем, он всегда был на стороне таких мужчин. Всегда говорил, что мужчина должен быть жёстким, что он глава семьи, а женщина должна слушаться.

Несколько лет назад муж подарил ему дорогую машину - и папа словно окончательно решил, кто в нашей семье достоин уважения. Когда мы собираемся вместе, они смеются, обсуждают что-то своё, и я вижу, как папа смотрит на Антона. С уважением.

А на меня - с укором.

Я пыталась жаловаться.

- Это нормально, Лена, - строго сказал тогда отец. - Мужчина должен держать всё в своих руках.

После этого я окончательно поняла, помощи не будет.

Щёлкает замок входной двери. Я замираю. Сердце начинает биться так громко, что, кажется, его можно услышать в коридоре.

Я слышу его шаги - тяжёлые, уверенные, знакомые до бо-

ли. Сейчас он войдёт, бросит ключи, что-нибудь раздражённо спросит.

Я жду его голоса.

Но вместо этого слышу женский смех.

И от этого внутри всё обрывается.

Я медленно встаю, чувствуя, как подкашиваются ноги, и машинально поправляю край кофты. Хотя понимаю, что это бессмысленно, что сейчас важно не то, как я выгляжу, не то, ровно ли стоит тарелка, не то, успела ли я убрать ложку с края столешницы. Но привычка сильнее меня: если всё идеально, может быть, он не разозлится.

Муж первым заходит в гостинную - уверенный, расслабленный, как будто входит туда, где ему позволено всё. Пальто распахнуто, на лице лёгкая усталая усмешка, в глазах - раздражение, словно сам факт моего присутствия уже мешает.

Вслед за ним появляется девушка.

Высокая, яркая, в коротком пальто, из-под которого виднеется узкое платье. Она чуть кривит блестящие губы, разглядывая меня так, будто я не человек, а неприятная деталь интерьера. От неё пахнет сладкими тяжёлыми духами, дорогими и навязчивыми, и этот запах мгновенно перебивает запах ужина.

Я не понимаю, что происходит. Мозг будто отказывается складывать картинку, потому что если сложит, придётся признать: он привёл сюда другую женщину.

- Что ты стоишь? - его голос холодный, раздражённый. -

Собирайся.

Я моргаю, пытаюсь понять смысл слов.

- Куда?.. - выдыхаю я, чувствуя, как внутри всё холодеет.

- Погуляй где-нибудь. Вернёшься утром. Обед приготовишь.

У меня перехватывает дыхание.

- Мне... мне некуда идти... - слова цепляются друг за друга, рассыпаются, и я чувствую, как внутри поднимается паника, липкая, горячая, унижительная. - Пожалуйста... не надо...

Девушка чуть склоняет голову, наблюдая за мной с откровенным любопытством, будто я не человек, а смешная домашняя зверушка. Потом переводит взгляд на Антона.

- И что, она правда вернётся?

В её голосе слышится откровенная насмешка, я невольно опускаю глаза.

Он уже делает шаг ко мне, крепко хватая меня за локоть, его пальцы сразу впиваются в кожу, и ведёт к выходу, будто я мешаюсь под ногами. Я кое-как успеваю схватить свой телефон со стола.

- Конечно, вернётся, - почти лениво говорит Антон. - Куда она денется?

Я слышу, как она тихо смеётся.

- Серьёзно?

Он хмыкает, и в этом звуке нет ничего человеческого.

- У меня дрессированная жена.

Я спотыкаюсь, пытаюсь удержаться, цепляюсь взглядом за пол, за стену, за край зеркала в прихожей, только бы не смотреть на них. Она смеётся уже открыто, довольная, с каким-то восхищением, будто он только что сделал что-то невероятно смелое.

- Какой ты всё-таки властный...

Он усмехается.

И в следующую секунду разворачивает меня к себе.

- Я сказал - утром.

Я поднимаю глаза, пытаюсь что-то возразить, попросить, объяснить, но не успеваю.

Резкая боль.

Пощёчина.

Мир на мгновение вспыхивает белым, и я хватаюсь за край тумбы, чтобы не упасть. Щека горит, во рту появляется металлический привкус, а в ушах звенит так громко, что я почти не слышу её короткого довольного смешка за его плечом.

Он уже не смотрит на меня.

Он хватает мою куртку с вешалки, бросает мне в руки и суёт банковскую карту.

- Не смей тратить лишнего. Я всё проверю.

И выталкивает за дверь.

Я спотыкаюсь, почти падаю.

За его спиной она всё ещё улыбается.

- Вернёшься утром, - бросает он напоследок.

Дверь захлопывается.

Глава 2

Я стою в подъезде ещё несколько минут после того, как он захлопнул дверь прямо перед моим лицом.

И не двигаюсь.

Пальцы сжимают карту, и она кажется холодной, почти ледяной, будто я держу не кусок пластика, а что-то чужое, неприятное, что хочется бросить, но нельзя.

Как так?

Этот вопрос крутится в голове, но не оформляется до конца, он распадается на куски, на обрывки мыслей, которые не хотят складываться в цельную картину, потому что если сложатся – станет слишком больно.

Я же всё делала правильно.

Всё, как он хотел.

Я старалась.

Я подстраивалась под его настроение, угадывала желания ещё до того, как он их озвучит. Молчала, когда хотелось кричать, улыбалась, когда внутри всё сжималось от обиды, готовила, убирала, следила за собой, за домом, за тем, чтобы он был доволен.

Неужели он решил, что довёл меня до такого состояния, что я приму всё, что угодно? Что я просто уйду и вернусь утром как ни в чём не бывало? Хотя, наверное, так и есть. Мне больше некуда идти. У меня нет никого и ничего.

Десять лет я жила так, будто это моя работа - быть удобной.

Не любимой. Не счастливой.

Удобной.

И сейчас стою в подъезде, как ненужная вещь, которую просто выставили за дверь.

Я опускаю взгляд на карту в руке и ловлю себя на странной, почти детской мысли: он мог хотя бы...

Хотя бы что?

Позаботиться?

Спросить, куда я пойду?

Оставить мне деньги без этого холодного «я всё проверю»?

Глупо.

Я тихо усмехаюсь. Звук получается таким чужим, что я сама вздрагиваю. Он не умеет заботиться. Он никогда не умел. И не будет. Папа тоже не умел.

Папа не изменился. Ни через год. Ни через пять. Ни через двадцать.

А они с мамой прожили вместе гораздо дольше, чем мы с Антоном.

Значит...

Я зажмуриваюсь, потому что продолжение этой мысли слишком очевидно, и от этого внутри становится холодно. Ничего не изменится. Никогда.

Я стою ещё немного, пока ноги окончательно не начина-

ют дрожать, и только тогда делаю шаг к лестнице, будто это решение - выйти - требует от меня огромного усилия, словно за дверью не просто улица, а что-то неизвестное, опасное, чужое.

Хотя... так и есть.

Я выхожу из подъезда. Улица встречает меня ночной прохладой, и я невольно втягиваю воздух глубже, чем обычно, потому что он кажется другим - влажным, свежим, живым, не пропитанным напряжением и чужими правилами.

Фонари дают мягкий жёлтый свет, который расплывается на асфальте, и всё вокруг выглядит чуть нереальным, как будто я попала в другой мир, где меня никто не знает. И где мне некуда идти.

Я достаю телефон, смотрю на список контактов и почти автоматически пролистываю его, хотя заранее знаю, что там нет ни одного человека, которому я могла бы сейчас позвонить.

Ни одного. Пустота. И это не про список контактов. Это про мою жизнь.

Я долго смотрю на экран, пока он не гаснет, и в отражении вижу своё лицо - бледное, с потухшими глазами, в которых сейчас больше растерянности, чем страха.

Потому что страх - это когда знаешь, чего бояться. А сейчас я не знаю вообще ничего.

Я начинаю идти. Просто потому что стоять на месте ещё страшнее.

Шаг за шагом, не разбирая дороги, не думая о направлении, я двигаюсь вперёд. Только через какое-то время понимаю, что иду слишком быстро, почти бегу. Будто пытаюсь убежать, даже не от него, а от самой себя, от своих мыслей и ощущения пустоты, которое разрастается внутри как чёрная дыра.

Мне некуда идти.

Мне некуда вернуться.

И хуже всего - я не верю, что может быть иначе.

Не верю, что существует какая-то другая жизнь, где я не боюсь, где я могу выбирать, где я могу просто... быть.

Я всегда думала, что если стараться достаточно сильно, всё можно исправить. Но, кажется, это была ошибка.

Даже не замечаю, как оказываюсь на автобусной остановке. Просто в какой-то момент понимаю, что сижу на холодной металлической скамейке, и холод пробирается сквозь ткань одежды, впивается в кожу, заставляя ёжиться.

Я смотрю на электронное табло и вижу время. Поздно. Слишком поздно. Автобусы уже не ходят. Медленно провожу ладонями по лицу, чувствуя, как кожа становится влажной - не сразу понимаю, что это слёзы.

Значит, такси. Гостиница.

Я уже почти автоматически просчитываю это в голове, и вместе с этим приходит другая мысль - он будет недоволен. Скажет, что я потратила лишнего. Проверит. Всегда проверяет. И от этого становится так... пусто, что даже плакать не

хочется. Но слёзы всё равно текут.

Перед остановкой - пешеходный переход, и я машинально смотрю на него, наблюдая, как машины притормаживают, останавливаются, пропуская редких прохожих.

Внезапно начинает накрапывать дождь. Сначала редкие капли, почти незаметные, а потом они становятся чаще, холоднее, и я чувствую, как они касаются лица, смешиваются со слезами, стекают по щекам, по шее, затекают под ворот, вызывая неприятный холод.

Я не двигаюсь. Мне всё равно. Или... нет сил двигаться.

Я опускаю голову, сжимаю пальцы, и в какой-то момент тихий всхлип вырывается сам собой, потом ещё один, я уже не сдерживаюсь, плачу по-настоящему..

Сквозь шум дождя и собственное всхлипы я слышу звук подъезжающей машины. Тяжёлый, уверенный звук мотора, который как будто разрезает эту ночную тишину.

Я с трудом поднимаю голову и вижу прямо перед остановкой большой тёмный внедорожник. Свет его фар отражается на мокром асфальте.

Из него выходит мужчина в тёмном пальто - высокий, широкоплечий. Он идёт в мою сторону уверенным шагом, не сводя с меня взгляда.

Я машинально сжимаюсь, отодвигаюсь на самый край скамейки, чувствуя, как внутри снова поднимается страх - привычный, автоматический.

Незнакомые мужчины - это всегда опасно.

Я пытаюсь рассмотреть его лицо: чёткие черты, тёмные глаза, лёгкая небритость. Что-то в этом лице кажется знакомым, до странности знакомым, но я не успеваю ухватить эту мысль.

Он останавливается в паре шагов от меня. Не слишком близко. Но достаточно близко, чтобы я слышала его.

И его голос - низкий, глубокий, но почему-то знакомый - разрезает пространство между нами.

- Синицына... что случилось? Что ты тут делаешь?

Я замираю.

Синицына.

Моя старая фамилия. Из той жизни, где я ещё была собой.

Глава 3

Я всматриваюсь в его лицо, моргаю, стараюсь убрать влажную пелену слез, и пытаюсь ухватить это странное ощущение узнавания, которое не отпускает, будто я уже видела его раньше, будто это лицо хранится где-то глубоко в памяти, но покрыто слоем времени, и теперь нужно приложить усилие, чтобы стереть этот слой и увидеть...

И вдруг меня словно ударяет.

- Глеб?... - голос срывается, становится хриплым, почти чужим. - Соколов?..

Он чуть склоняет голову, и в уголках губ появляется лёгкая, почти незаметная улыбка.

- Он самый, - спокойно отвечает он. Будто мы виделись вчера, а не... сколько прошло? Десять лет? Больше?

У меня перехватывает дыхание.

Передо мной действительно он - тот самый Глеб Соколов, главный хулиган нашей школы, тот, про которого ходили легенды, кто мог врезать старшекласснику за несправедливость и потом спокойно стоять перед директором, не опуская глаз, потому что был уверен в своей правоте.

Я помню его громкий смех, постоянно разбитые кулаки, вечные драки, и странное, почти нелепое чувство безопасности рядом с ним, несмотря на всю его «плохую» репутацию. И помню, как в выпускном классе он просто исчез. Без

объяснений.

- Я тебя сразу узнал, - продолжает Глеб, чуть кивая в сторону дороги. - Остановился пропустить пешехода и увидел тебя.

Его взгляд становится внимательнее, серьезнее.

- Что случилось? Почему ты здесь?

Я сжимаю пальцы сильнее, ощущая, как ногти впиваются в кожу, и привычно качаю головой.

- Всё... всё в порядке.

Ложь звучит глухо, неубедительно, я и сама это слышу. Он чуть прищуривается, и в его взгляде появляется что-то жёсткое.

- Всё в порядке? Seriously? - голос становится ниже, плотнее, будто тяжелее. - Люди, у которых всё в порядке, не сидят ночью под дождём на остановке и не плачут.

Я машинально касаюсь щеки и только сейчас понимаю, что слёзы всё ещё текут.

- Ты вся промокла, - добавляет он уже тише и протягивает мне платок.

Белый. Чистый. С лёгким запахом чего-то свежего, дорожного.

Я беру его осторожно, словно боюсь сделать что-то не так, и прижимаю к лицу, ощущая, как ткань впитывает влагу, холодную, солёную.

- Рассказывай, что случилось.

Простая просьба. Всего несколько слов. Но я вдруг пони-

маю, что не знаю, что ответить.

Я молчу несколько секунд, потому что слова не идут, застревают где-то внутри.

- Меня... - голос снова подводит, и я сглатываю. - Муж выгнал.

Тишина после этих слов становится плотной, тяжёлой. Я поднимаю глаза и вижу, как меняется его лицо. Он не кричит, не делает резких движений. Только челюсть сжимается, скулы проступают резче, а взгляд становится холодным.

- Куда ты собиралась ехать? - спрашивает он после паузы.

- Я... не знаю.

Он кивает, как будто и не ожидал другого ответа.

- Тогда поехали.

Я замираю.

- Куда?..

Он смотрит прямо на меня.

- Ко мне.

Сердце резко сжимается. Нет. Это неправильно. Это опасно. Это...

Я пытаюсь отодвинуться ещё дальше, хотя дальше уже некуда. Внутри снова поднимается страх - привычный, цепкий.

- Я не могу... - шепчу, опуская взгляд. - Мне... мне нельзя.

Перед глазами сразу возникает лицо мужа - холодное, недовольное.

«Я всё проверю».

Если он узнает...

Я даже не хочу думать, что будет.

- Нельзя? - Глеб чуть хмурится, но остаётся на месте, будто специально не сокращает расстояние. - Тебя только что выгнали на улицу. Ночью. Под дождь. И ты говоришь «нельзя»?

Я молчу. Потому что не могу объяснить. Потому что сама до конца не понимаю, чего боюсь больше - остаться здесь или поехать с ним.

- Лена, - его голос становится мягче, но в нём всё равно чувствуется сталь. - Я не заставляю тебя. Просто предлагаю вариант. Сейчас тебе нужно тепло, сухая одежда и место, где ты будешь в безопасности.

Безопасность. Слово звучит странно. Чуждо. Я давно её не чувствовала.

- Он... он может узнать... - тихо говорю я, почти не двигая губами.

- Кто?

- Муж.

Глеб усмехается коротко, без радости.

- Если он решит тебя искать - сначала найдёт меня. И пожалеет, что полез.

И в этом «пожалеет» звучит что-то такое, что на секунду выбивает почву из-под ног. Уверенность. Настоящая.

Я ещё несколько секунд не могу решиться. Потом вдруг

понимаю, что у меня нет другого выбора.

Или есть?

Нет.

Я медленно киваю.

Мы садимся в машину, тепло салона обволакивает сразу, резко контрастируя с холодом улицы. Тело начинает дрожать, когда согревается, и я невольно сжимаюсь сильнее.

- Только... - я поворачиваюсь к нему, нервно сжимая платок. - Пожалуйста, ничего не говори Антону.

- Антону? - он бросает на меня быстрый взгляд.

- Это... - я запинаюсь, и в этот момент понимаю, что, наверное, не стоило. - Это мой муж. Антон Зайцев.

Слова повисают в воздухе. И сразу понимаю: зря. Он же даже не знает его. Зачем я сказала фамилию?

Глеб молчит.

Я вижу, как его пальцы сильнее сжимают руль. На руках проступают вены. Потом он будто ловит себя на этом и заставляет пальцы медленно разжаться.

Его взгляд становится жёстче, сосредоточеннее, и он на секунду отворачивается, будто пытается взять себя в руки. Он делает глубокий вдох. Медленный выдох.

- Понятно, - коротко говорит он.

И больше ничего не спрашивает.

Несколько минут тишины, наполненной только шумом двигателя и стуком дождя по стеклу.

- Не волнуйся, - добавляет он спустя время, уже ровным,

но очень серьёзным голосом. - Всё будет в порядке.

Я не отвечаю.

Просто смотрю в окно, где размытые огни города тянутся длинными полосами, и пытаюсь поверить. Хотя не получается.

- Сейчас приедем. Согреешься. Сделаем чай. А потом спокойно подумаем, что дальше. Теперь всё будет в порядке.

Он говорит это так, будто «думать, что дальше» - это что-то реальное. А не пустые слова.

Мы заезжаем на подземный паркинг - просторный, чистый, с ровным светом ламп, отражающимся в полированном бетоне. Машина плавно останавливается, и я чувствую, как накатывает волнение.

Это всё слишком...

Слишком странно.

Мы выходим, и шаги гулко отдаются в тишине паркинга. Лифт открывается почти сразу. В зеркале я вижу себя рядом с ним - мокрую, бледную, с его платком в руках. И это выглядит так неправильно, так чуждо, что хочется отвернуться.

Пока мы поднимаемся, я чувствую, как напряжение снова нарастает, будто впереди меня ждёт что-то, к чему я не готова.

Он легко и уверенно открывает дверь квартиры. Пропускает меня вперёд, и заходит сам.

Почти сразу из глубины квартиры выходит девушка.

Миниатюрная. В коротких шортах и топе, которые боль-

ше открывают, чем скрывают. Волосы собраны небрежно, на лице лёгкая сонная расслабленность.

Я застываю на месте. Смотрю на неё, потом на него.

Глеб закатывает глаза.

- Алиса, ну ё-моё... - Глеб снимает куртку. - Накинь что-нибудь, пожалуйста. И поставь чайник.

Этот командный тон знаком мне до боли. Я слишком часто слышала его дома.

Внутри меня что-то резко сжимается.

Так же.

Точно так же.

Я смотрю на Глеба и чувствую, как по спине пробегает холод.

Он... такой же?

Страх возвращается резко, и теперь он намного сильнее, чем был.

Глава 4. Глеб

Дождь начинается как раз в тот момент, когда я выруливаю с очередного перекрёстка, и первые капли лениво растекаются по лобовому стеклу, оставляя прозрачные дорожки, которые тут же стирают дворники, двигаясь ровно, размеренно, почти убаюкивающе. Я не раздражаюсь - наоборот, становится даже легче, как будто вместе с этим дождём день наконец заканчивается и можно выдохнуть.

День был длинный.

С утра - фитнес-центр. Я прошелся по залу, посмотрел тренировки, зашёл в кабинет директора, и в очередной раз поймал себя на мысли, что не зря когда-то рискнул, поставив на одну решительную девчонку, которая пришла ко мне обычным тренером. Чутьё не подвело - она оказалась куда ответственнее многих опытных управленцев. И сейчас она держит всё чётко, без суеты и истерик. Цифры растут, люди довольны, а это, по сути, самое важное.

После фитнес-центра следующим по плану пунктом была стройка. Будущий спортивный комплекс уже готов, огромный, светлый, с залами, бассейном, площадками, и когда я хожу по этим ещё пахнущим бетоном и свежей краской коридорам, у меня внутри поднимается странное чувство - не гордость даже, а... правильность.

Я давно хотел сделать что-то такое. Не для прибыли, а для

людей.

Чтобы пацаны и девчонки из обычных дворов могли прийти и тренироваться, не думая о том, есть у них деньги или нет. Чтобы у кого-то появился шанс выбраться.

Я останавливаюсь у окна, глядя, как снаружи рабочие заканчивают приводить в порядок территорию перед входом - укладывают плитку, выравнивают край дорожки, стряхивают пыль с новых лавок. А сам в это время без остановки анализирую, кого ещё пригласить на открытие, всё ли согласовано, не забыли ли про оборудование в зале единоборств, как лучше организовать поток людей в первый день...

Мелочи. Но именно из них всё и складывается. Ведь открытие уже через две недели!

Я возвращаюсь домой уже почти ночью, уставший, но довольный собой. Люблю это ощущение, что день прошёл не зря.

И даже дождь не портит мне настроения.

На перекрёстке загорается красный, я торможу и привычно бросаю взгляд на пешеходный переход - несколько человек переходят дорогу, кто-то ускоряется, прячась от дождя, кто-то идёт спокойно, будто не замечая капель.

И тут я замечаю её. Сначала просто силуэт на остановке, от которого я почему-то не могу оторвать взгляд. А потом понимаю, что это девушка. Она просто сидит и не двигается. Ждёт автобуса? Но ведь уже поздно - автобусы в это время не ходят.

Я вглядываясь сквозь стекло, по которому бегут капли, и внутри появляется какое-то странное ощущение - не сразу понятное, но цепляющее. Что-то не так.

Я медленно трогаюсь, проезжаю переход... и ещё раз смотрю. И в этот момент узнаю.

Синицына!

Я резко перестраиваюсь, останавливаюсь прямо у остановки, глушу двигатель и пару секунд просто сижу, сжимая руль.

Она выглядит... плохо. Вся сжалась, ссутулилась, дрожит. И даже отсюда видно - она плачет.

Чёрт.

Я выхожу из машины. Дождь сразу бьёт по лицу, холодный, резкий, но я почти не чувствую его, потому что всё внимание уже там - на ней.

Подхожу ближе.

Она поднимает голову, и я окончательно убеждаюсь - это Лена. Только... как будто выцвела.

- Синицына... - говорю, и сам слышу, как голос становится ниже. - Что случилось? Что ты тут делаешь?

Она смотрит на меня, сначала не понимая, потом будто собирает картинку.

- Глеб?... Соколов?..

- Он самый, - киваю я и в этот момент понимаю - она в таком состоянии, что, похоже, вообще не до конца осознаёт, где находится.

- Я тебя сразу узнал, - добавляю, чтобы немного зацепить её за реальность. - Когда остановился пропустить пешехода.

Она молчит, и я задаю вопрос, который сейчас единственно важный:

- Что случилось? Почему ты здесь?

- Всё... всё в порядке.

Я едва сдерживаю раздражённый выдох. Серьёзно?

- Всё в порядке? - переспрашиваю, глядя прямо на неё. - Люди, у кого всё в порядке, не сидят ночью под дождём на остановке и не плачут.

Она вздрагивает, будто только сейчас осознаёт, что плачет.

Чёрт.

Она вся промокла и замёрзла. Надо накинуть на неё хотя бы пиджак. Нет, у неё в глазах страх, испугается.

Достаю платок из кармана, протягиваю ей.

- Ты вся промокла.

Она берёт его осторожно, будто боится ошибиться.

- Рассказывай, что случилось.

Пауза.

Слишком длинная.

- Меня... муж выгнал.

Я замираю. И в этот момент внутри поднимается злость. Резкая, тяжёлая. Та самая, после которой раньше непременно чей-нибудь нос оказывался разбит. Просто патологически не выношу тех, кто считает себя вправе самоутверждаться

за чужой счёт, демонстрируя силу и власть. Я сжимаю зубы, чтобы не сказать ничего лишнего. Спокойно, не сейчас. Попрдержжи коней, Глеб. Сначала нужно её успокоить и расслабить.

- Куда ты собиралась ехать?

- Я... не знаю.

Конечно. Я киваю.

- Тогда поехали.

Она сразу напрягается.

- Куда?..

- Ко мне.

Я вижу этот взгляд, затравленный и испуганный. Так смотрят, когда привыкли бояться.

- Я не могу... - тихо говорит она.

- Можешь, - хочу сказать я, но сдерживаюсь.

Она мотает головой.

- Мне нельзя.

Я чуть хмурюсь, но остаюсь на месте. Сейчас главное - не напугать её ещё сильнее.

Нельзя? Я почти усмехаюсь, но сдерживаюсь.

- Тебя выгнали на улицу, Лена. Ночью, под дождь. И ты говоришь «нельзя»?

Она молчит. Я чуть смягчаю тон.

- Я не заставляю тебя, Лена. Просто предлагаю вариант. Сейчас тебе нужно тепло, сухая одежда и место, где ты будешь в безопасности.

Давай, девочка, решайся! Ведь я всё равно не оставлю тебя тут, под дождём, даже если придётся взять на руки и унести.

- Он может узнать... - шепчет она.

- Кто?

- Муж.

Я коротко выдыхаю.

- Если он решит тебя искать - сначала найдёт меня. И пожалеет, что полез.

Она размышляет и явно сомневается, но потом всё-таки кивает. Какое облегчение!

Мы садимся в машину и я включаю печку сильнее, чтобы она быстрее согрелась. При этом стараюсь не смотреть на неё слишком пристально - сейчас не время давить. Ей надо дать время выдохнуть и привыкнуть ко мне.

- Только, - невольно вырывается у неё, - пожалуйста, ничего не говори Антону.

- Антону?

- Это... мой муж. Антон Зайцев.

Имя оседает в голове. Я сжимаю руль сильнее, чем нужно. Зайцев. Запомнил. Спокойно. Я делаю медленный вдох и такой же медленный выдох.

- Понятно, - говорю ровно.

И больше не задаю вопросов. Пока не время.

- Не волнуйся, - добавляю я через пару минут, не отрывая взгляда от дороги. - Сейчас приедем. Согреешься. Сделаем

чай. А потом спокойно подумаем, что дальше. Теперь всё будет в порядке.

Я сам не до конца знаю, как именно добьюсь этого, но одно понимаю точно - так, как сейчас, больше не будет. Не позволю.

Мы заезжаем в паркинг, я привычно паркуюсь, а потом выхожу и открываю ей дверь, стараясь не думать о том, что она свернулась в клубочек, как замёрзший напуганный зверёк, который каждую секунду ожидает удара.

Лифт. Зеркала.

Лена выглядит так, будто её только что вытащили из-под завала. На щеке еле заметный красный след. Пощёчина?

И это злит. Сильно.

Я открываю дверь квартиры и пропускаю её вперёд.

Почти сразу из комнаты выходит Алиса. Как обычно, в своём стиле.

- Алиса, ну ё-моё... Накинь что-нибудь, пожалуйста. И поставь чайник.

Глава 5. Лена

Лена.

Я стою в прихожей, не решаясь пройти дальше, и смотрю на девушку, которая только что вышла нам навстречу. В груди что-то резко и болезненно сжимается, от страха становится тяжело дышать. Всё, что сейчас происходит, кажется до ужаса знакомым. История повторяется!

Несколько часов назад в моей квартире произошло почти то же самое. Только теперь на месте той наглой девицы, явившейся с чужим мужем, - я сама.

Меня начинает трясти, и оправдания вырываются сами, раньше, чем я успеваю их остановить.

- Я... я не... - голос дрожит, сбивается. - Я не встречаюсь с Глебом. Правда. Он просто... он просто подобрал меня на остановке. Я не планировала ничего такого...

Я говорю быстро, сбивчиво, почти захлёбываясь словами, чувствуя, как внутри нарастает привычный страх - нужно объяснить, оправдаться, доказать, что я не угроза, что я не виновата, что я...

Что я вообще делаю здесь?

Девушка тем временем лениво потягивается, как будто только что проснулась, выгибается чуть назад, и на её лице появляется лёгкая улыбка.

- Жаль, - зевает она.

Я замолкаю на полуслове, и в голове становится пусто.

- Что?.. - переспрашиваю я, не понимая, ослышалась ли.

Она смотрит на меня уже внимательнее, чуть наклоняет голову, и в её глазах появляется живой, тёплый интерес.

- Говорю, жаль! Он хороший. Но непонятно, почему никого к себе не подпускает. Только работа на уме. Скоро так совсем одичает.

Я стою, не двигаясь.

Слова доходят не сразу.

Никого к себе не подпускает. Только работа. Одичает.

Это не похоже на слова женщины, которая считает его своим мужчиной.

Я перевожу взгляд на Глеба, потом обратно на неё, и страх, который я только что сама себе придумала, начинает осторожно осыпаться.

Девушка вдруг замирает, вглядывается в меня пристальнее, словно собирая пазл, и её лицо меняется - сначала удивление, потом узнавание, а потом...

Она резко улыбается. Ярко. Живо.

- Лена? - Её голос становится звонче. - Это ты?

Я растерянно моргаю.

- Да...

- Я Алиса! - Она делает шаг ко мне, почти подпрыгивая на месте от возбуждения. - Помнишь меня? Ты тогда меня спасла. Отбила от хулиганов из моего класса, когда они меня дразнили!

Она смеётся, а я вдруг на миг застываю. В памяти всплывает давно забытая картинка из школьных времён: перед грязным потемневшим от времени забором стоит маленькая девочка с тонкими растрёпанными косичками и испуганным личиком. Вокруг неё мальчишки. Они дразнят её, толкают и хохочут, а она с трудом сдерживается, чтобы не расплакаться.

И я тогда... просто не смогла пройти мимо. Сказала что-то, встала между ними. Ничего героического. Но для неё, видимо...

- Ну, вспомнила? - Алиса смеётся и кивает в сторону Глеба. - Я младшая сестра этого сурового увальня!

Сестра? Напряжение постепенно начинает уходить.

- Я... помню, - тихо говорю я, и в голосе впервые за вечер появляется что-то похожее на тепло.

Алиса тут же берет меня за руку - её ладонь тёплая, живая, крепкая, и этот простой жест неожиданно выбивает меня из равновесия сильнее, чем всё остальное.

- Ты вся промокла! - говорит она, чуть нахмурившись. - Пойдём срочно греться. Сейчас чайник поставим и найдём тебе что-нибудь сухое.

Она тянет меня за собой, не давая времени на раздумья, и я почти автоматически иду следом, чувствуя, как внутри всё ещё остаётся напряжение, но оно уже другое - не такое острое, не такое парализующее.

- У тебя точно есть сменная одежда? - слышится голос

Глеба за спиной.

- Я к тебе хоть и ненадолго, - фыркает Алиса, даже не оборачиваясь, - но ты что, забыл, что у меня два чемодана вещей с собой?

В её голосе столько лёгкости, что я невольно оглядываюсь. Глеб стоит у входа. На секунду наши взгляды встречаются.

- Хорошо, - говорит он спокойно. - Я тоже пойду переоденусь.

Мы идём дальше, и я наконец начинаю оглядываться. Квартира... огромная. Я даже не знала, что такие бывают в высотках.

Пространство будто не заканчивается - кухня, плавно переходящая в гостиную, занимает огромное пространство, и всё здесь... большое. Высокие потолки, широкие окна, мягкий свет, отражающийся в гладких поверхностях, запах чего-то свежего, едва уловимого.

Алиса быстро щёлкает чайником и тянет меня дальше, через гостиную, в одну из комнат.

Там она открывает шкаф и начинает доставать одежду. Много одежды! Домашние штаны, футболки, мягкие кофты - всё аккуратно сложено, пахнет порошком и чем-то тёплым, уютным.

- Это всё должно подойти, - говорит она, быстро перебирая вещи. - Посмотри, что тебе больше понравится, и одевайся. Ничего не стесняйся, ладно?

Я молча киваю, не в силах сразу ответить.

- Я пока пойду бутеры соображу, - добавляет она и легко выходит из комнаты.

Я остаюсь одна. Смотрю на эту одежду. На свои руки. На мокрые рукава, прилипшие к коже.

Я хорошо одета. Всегда была.

Антон никогда не скупился на то, что видели другие. Ему было важно, чтобы со стороны всё выглядело идеально, чтобы никто даже подумать не мог, что за закрытыми дверями что-то не так.

Дорогие вещи. Аккуратный макияж. Улыбка.

Но сейчас...

Сейчас передо мной лежит простая домашняя одежда. И в ней есть что-то, чего никогда не было в моём гардеробе.

Забота.

Я осторожно провожу пальцами по ткани - мягкой, тёплой, и в горле вдруг встаёт ком.

Кому-то... не всё равно. Кто-то думает о том, чтобы мне было тепло и комфортно. Но это не муж. Это люди, которых я не видела пятнадцать лет.

Я стою посреди комнаты, сжимая в руках чужую, но такую настоящую кофту, и не могу поверить, что так... вообще бывает.

Глава 6

Я медленно и неловко переодеваюсь, будто делаю что-то запрещённое.

Хотя в комнате никого нет. Никто меня не торопит.

Никто не стоит за дверью с раздражённым дыханием. Не проверяет, сколько времени я трачу и не оставила ли после себя следов.

Но руки всё равно дрожат, когда я снимаю мокрую блузку, тяжёлую от влаги, и аккуратно складываю её, стараясь, чтобы вода не капнула на пол.

Домашние штаны оказываются мягкими, тёплыми, чуть свободными. А кофта пахнет чистым бельём и чем-то едва сладким, может быть кондиционером, может саше из шкафа. От этого запаха хочется закрыть глаза и просто постоять так несколько секунд. Потому что мне давно никто не давал ничего просто так. Просто чтобы мне стало тепло.

Я выхожу из комнаты, прижимая мокрые вещи к себе, и снова замираю на пороге, потому что квартира слишком большая, слишком красивая и... слишком чужая. Мне страшно не только потому, что я здесь не на своём месте. Ещё страшнее от мысли, что я могу что-нибудь испортить: оставить мокрый след на полу, задеть дорогую вазу, сделать что-то не так, как будто каждое моё движение должно быть заранее одобрено.

- Куда можно положить мокрую одежду? - осторожно произношу я, стараясь держать вещи подальше от себя и от мебели. - Чтобы ничего не залить и не испортить.

Алиса стоит у кухонного острова и, напевая, режет хлеб, а рядом уже лежат сыр, ветчина, огурцы и листья свежего салата. Всё это выглядит так просто и по-домашнему, что у меня снова щемит под рёбрами.

- Сейчас доделаю, и развесим, - откликается она. - Пока положи на диван.

Я растерянно смотрю на неё.

- Но одежда мокрая. Будут пятна.

Алиса даже не прекращает нарезать. Только пожимает плечом, будто я переживаю из-за чего-то совсем незначительного.

- И что? Ну будут и будут. Постираем плед или Вызовем клининг. Это мелочи.

Мелочи.

Я повторяю это слово про себя и не понимаю, как оно вообще может относиться к дивану, к пятнам, к беспорядку, к чему-то неидеальному. Дома из-за такого мог начаться скандал, с обвинениями, что я не умею ценить, не умею беречь, что всё хорошее мне достаётся слишком легко.

- Умыться можно там, - Алиса кивает в сторону коридора. - Вторая дверь налево - ванная, там есть всё необходимое. Первая дверь - туалет. Да не беспокойся ты так. Будь как дома.

Я киваю, хотя понятия не имею, как это - быть как дома. Дома так нельзя.

Дома нужно, чтобы всё было по полочкам.

Чтобы полотенца висели ровно. Чтобы на раковине не оставалось капель. Чтобы чашки стояли ручками в одну сторону. Чтобы пол блестел, а кухня выглядела так, будто в ней никто никогда не готовит.

Сначала папа внушал это маме: хороший дом - это идеальный порядок.

Потом Антон говорил то же самое мне. Другими словами. Но то же самое.

А я... я так хотела когда-то, чтобы дом был не выставкой. Чтобы в нём пахло чаем, хлебом, чем-то домашним. Чтобы можно было положить мокрую одежду не туда и не ждать наказания.

В ванной - яркий мягкий свет, большое зеркало, белая раковина, аккуратные флаконы на полке. Я сначала автоматически ищу глазами полотенце для гостей, потом понимаю, что не знаю, можно ли им пользоваться. Потом ругаю себя за эту нелепую мысль. И наконец поднимаю взгляд.

Из зеркала на меня смотрит женщина, которую я узнаю не сразу.

Тушь расплылась тёмными дорожками под глазами, тональный крем пошёл пятнами у носа и на подбородке, волосы прилипли к вискам мокрыми прядями, губы побледнели, а на правой щеке горит красный след - неровный, болезнен-

ный, слишком явный.

Я касаюсь его пальцами и тут же отдёргиваю руку. Болит. Не сильно. Но достаточно, чтобы вспомнить.

Сегодня я никуда не собиралась. Я просто была дома. Готовила ужин. Ждала мужа. И всё равно была накрашена, потому что Антон требовал, чтобы я всегда выглядела достойно, даже если просто хожу из кухни в спальню, даже если болею, даже если устала, даже если хочу смыть с лица всё и лечь, спрятавшись под одеяло.

«Женщина всегда должна выглядеть хорошо».

Я открываю воду, замечаю на раковине Алисину пенку для умывания и выдавливаю немного на ладонь. Долго умываюсь тёплой водой, смывая тушь, тональный крем, дождь, слёзы, сегодняшний вечер. Хотя, конечно, последнее не смыется. Оно остаётся внутри - под кожей, в горле, в груди.

Потом нахожу рядом мицеллярную воду и ватные диски. Осторожно провожу диском по коже, убирая остатки косметики и тёмные разводы под глазами. Промакиваю лицо полотенцем и несколько секунд просто дышу, глядя на своё отражение уже без этой размазанной маски.

Краснота на щеке никуда не исчезла. Но глаза... Глаза стали чуть более живыми.

На кухню я возвращаюсь тихо, почти неслышно, и останавливаюсь на секунду, потому что Глеб и Алиса уже там, будто эта ночная сцена с чаем и бутербродами была самым естественным делом на свете.

Глеб ставит на стол чайник, кружки, сахарницу, лимон, банку мёда, двигается спокойно, уверенно, без суеты, а Алиса водружает рядом огромную тарелку с разными бутербродами и ещё высыпает в маленькую миску конфеты в ярких фантиках.

Я сажусь на край стула, стараясь занимать как можно меньше места.

Алиса придвигает ко мне тарелку ближе и смотрит так открыто, что от этого почти больно.

- Не стесняйся, Лена. Поешь, а потом, если захочешь, расскажешь, что произошло.

Я опускаю взгляд на кружку, от которой поднимается пар, чувствую запах чёрного чая, лимона и тёплого хлеба, и вдруг понимаю, что самый страшный вопрос сейчас не в том, что произошло. А в том, смогу ли я наконец произнести это вслух. Не делая вид, что всё нормально.

Глава 7

Я сижу, сжимая тёплую кружку в руках, и чувствую, как тепло от неё медленно проникает в пальцы, в ладони, но дальше - не проходит, будто внутри меня всё ещё царит холод и этот холод не уходит так просто.

Они ждут.

Не давят. Не торопят. Просто дают мне время.

Но от этого почему-то ещё сложнее, потому что в такой тишине нельзя спрятаться.

- У меня... всё в порядке, - вырывается тихо, почти автоматически.

Будто эта фраза давно живёт во мне отдельно от меня самой. Как защитная реакция. Как щит, который я поднимаю раньше, чем успеваю подумать.

Сразу же понимаю - звучит неправдоподобно.

Пусто.

Неубедительно.

- Не в порядке, - говорит Глеб так спокойно, что спорить почему-то невозможно.

Я поднимаю взгляд.

Он смотрит прямо на меня, и в его глазах нет ни капли сомнения.

Алиса чуть подаётся вперёд, опирается локтями о стол и сцепляет руки перед собой.

- Не бойся, - произносит она тихо, - тут тебе бояться нечего.

Я сжимаю кружку сильнее и горько усмехаюсь про себя. Если бы всё было так просто!

- Есть, - говорю я тихо, почти шёпотом. - Он придёт за мной.

Это звучит как неизбежность.

- Пусть попробует прийти, - отрезает Глеб.

В его голосе появляется что-то тяжёлое, и я вздрагиваю, потому что это слишком резко, слишком уверенно. Внутри сразу поднимается тревога, которая нащёптывает мне: “Так нельзя... если сопротивляться, станет только хуже... всегда так происходит...”

- Не надо так, - Алиса бросает на него взгляд, в котором есть и улыбка, и укор одновременно. - Вам, мужикам, вечно всё бы кулаками решать.

- Да вы сами со своим клубом уже сколько любителей распускать руки приструнили, - подмечает Глеб.

Она легко усмехается.

- Мы девочки, нам можно! К тому же, сам виноват. Кто нас обучил, а?

И тут же становится серьёзнее. Взгляд - внимательный, сосредоточенный, уже без шутки.

- Но ты же сам знаешь, как бывает нам тяжело. Так что не напирай на Лену.

Клуб? Приструнили? Обучил? Что они вообще обсужда-

ют?

- Вы о чём?... - осторожно уточняю я, привычно опасаясь задать неправильный вопрос.

Алиса переводит взгляд на меня, и в её глазах появляется та же живая искренность, что и раньше.

- У Глеба сеть фитнес-клубов, - объясняет Алиса. - А при них он открывает бесплатные группы женской самообороны. Для тех, кому некуда пойти и страшно попросить помощи.

Я моргаю. Не сразу понимаю смысл слов.

- Туда может обратиться любая девушка, у которой есть проблемы, - продолжает она. - А я курирую эти клубы. Это не просто тренировки. Это место, где тебя учат не бояться. И где тебя не оставляют одну. Это как... семья.

Слово «семья» звучит странно. Чуждо. Но... не так, как раньше.

- Расскажи, если можешь, - голос Алисы становится ещё мягче.

И в этот момент я понимаю, что больше не могу держать всё внутри. Слова сначала идут тяжело, будто через силу, цепляются друг за друга, ломаются, но потом... Потом что-то внутри словно отпускает.

Я говорю.

Про мужа.

Про то, как всё начиналось.

Про заботу, которая казалась настоящей.

Про ревность, которая сначала льстила.

Про запреты, которые становились нормой.

Про друзей, которых больше нет.

Про подруг, с которыми я перестала общаться.

Про одиночество, которое сначала пугало, а потом стало привычным.

Про то, как “я волнуюсь за тебя” постепенно превратилось в “я решаю за тебя”.

Про маму.

Про папу.

Про то, как я пыталась объяснить, что мне плохо.

И как меня убедили, что это нормально.

Я говорю долго. Иногда сбиваюсь. Иногда замолкаю. Иногда просто смотрю в кружку, потому что не могу поднять глаза.

И всё это время Алиса слушает внимательно. Не перебивает резко, не торопит, только иногда мягко уточняет детали - так осторожно, что от этого не хочется закрыться.

А Глеб...

Я сначала не смотрю на него. Потом случайно поднимаю взгляд - и замираю. Он сидит чуть в стороне, и его лицо... Спокойное, если внимательно не вглядываться.

Но пальцы на столе сжаты так, что побелели костяшки. Жилка на шее напряжена. Челюсть сведена. Взгляд тёмный, тяжёлый, словно он смотрит не на меня, а куда-то сквозь, и в этом взгляде - ярость, которую он держит изо всех сил.

Он не перебивает и не задаёт вопросов.

Но эта тишина...

Она громче любых слов.

Я заканчиваю неожиданно для самой себя. Просто в какой-то момент понимаю - всё. Больше нечего добавить. В комнате становится тихо. Слишком тихо.

Глеб резко встаёт.

Стул чуть скрипит по полу.

- Прости. Мне нужно... на пару минут.

Он напряжён. Кулаки сжаты. В глазах - что-то такое, от чего у меня внутри всё сжимается.

Он быстро разворачивается и уходит вглубь квартиры. Я провожаю его взглядом и чувствую, как внутри снова поднимается тревога.

- Я... что-то не то сказала?.. - уточняю тихо, почти неслышно. - Куда он пошёл?..

Алиса смотрит на меня спокойно.

- Нет. Ты всё правильно сделала. - Она чуть улыбается. - Он в зал пошёл. У него там небольшой спортзал. Просто злится. И не хочет тебя напугать.

Злится.

- На меня?..

- Нет, - коротко, но уверенно обрубает она. - Мой брат ненавидит мужчин, которые так поступают.

В этот момент из глубины квартиры доносится звук. Глухой. Тяжёлый.

Удар.

Пауза.

Ещё один.

Ровные, мощные удары раз за разом прорезают тишину, и воздух вокруг будто слегка дрожит от их тяжести.

- Это что?.. - Я невольно вздрагиваю.

- Груша, - спокойно объясняет Алиса. - Бьёт. Значит, сильно зол. Но не на тебя.

Удары продолжают.

Тупые, глухие, с короткими паузами - будто он выдыхает вместе с каждым движением.

Я слушаю, но почему-то не боюсь этих звуков.

- Не обращай внимания, - добавляет Алиса. - Сейчас придёт в норму. А пока расскажи, что ты хочешь делать дальше?

Я открываю рот. И вдруг понимаю, что никогда раньше не задавала себе этот вопрос всерьёз.

Чего я хочу?..

Слова выходят медленно, неуверенно.

- Хочу... чтобы это закончилось.

Я сама замираю от того, что сказала это вслух.

И никто не посмотрел на меня с осуждением. Никто не сказал, что это нормально. Никто не сказал, что я должна терпеть.

Алиса становится серьёзной.

- Это хорошо. Тогда мы тебе поможем.

Мы.

Слово звучит непривычно. Но... правильно.

Мы сидим дальше, разговор постепенно становится мягче и спокойнее. Я вдруг ловлю себя на том, что говорю больше, чем планировала, что задаю вопросы, что слушаю ответы, и всё это кажется нереальным, потому что...

Кому-то правда не всё равно. Кому-то интересны мои проблемы. А ведь мне всегда говорили, что мои проблемы - это мои заботы, никто не поможет и надо справляться самой.

И я верила.

А сейчас...

Я оглядываюсь и замираю. В дверном проёме стоит Глеб.

Уже другой, собранный и спокойный.

Лицо снова ровное. Плечи расслаблены.

Но взгляд... очень серьёзный, и он направлен прямо на меня.

Глава 8. Глеб

Я переодеваюсь быстро, почти на автомате. Стягиваю мокрую рубашку, меняя её на простую футболку, и только когда выхожу в кухню, понимаю, насколько напряжён - плечи каменные, зубы сжаты так, что действительно кажется, ещё немного - и они треснут.

Алиса уже на кухне, режет хлеб, что-то напевает себе под нос, но я вижу - это только снаружи, внутри она собрана, внимательна, как всегда, когда дело касается таких ситуаций.

Подхожу ближе.

- Как она?

Алиса на секунду поднимает на меня взгляд.

- Плохо. Её так запугали, что она боится вообще всего. Сейчас она в ванной.

Короткая пауза.

Нож продолжает ровно скользить по доске.

- Глеб, ты главное - осторожнее. Сдерживайся. Без резких движений, без... твоих привычных реакций. Испугается - и закроется окончательно. А ей сейчас нужно наоборот.

Я киваю. И сжимаю челюсть сильнее. Так, что в висках начинает пульсировать. Как так? Как можно было довести человека до такого состояния?

Я помню Лену другой. Яркой. Живой. Смеющейся.

Даже когда над ней пытались обидно подшучивать, она

всё равно находила в себе силы улыбнуться, ответить, не сло-
маться.

А сейчас... Сейчас это не она. Или... это то, во что её превратили.

Спокойно. Алиса права.

Нельзя давить. Нельзя сейчас в лоб объяснять, что это ненормально, что так жить нельзя, что нужно уходить, бе-
жать, ломать всё к чертям.

Она и так сломана. Если сейчас начать давить - она про-
сто закроется. Нужно, чтобы она сама дошла. Сама захотела.
Только тогда примет помощь.

Я медленно выдыхаю. Хорошо. Значит, так и будет.

Я выясню, кто этот... Зайцев. Антон. Кажется.

Даже имя из головы вылетело от злости. Ничего. Найдём.

Сейчас на первом месте другое. А потом дойдёт и до него
очередь.

Я помогаю Алисе расставить кружки, чайник, тарелки.
Делаю всё механически, чтобы занять руки, потому что внут-
ри всё закипает, и если дать этому выйти - будет очень плохо.

Я поднимаю взгляд, когда Лена появляется в дверном
проёме. Теперь, при ярком свете, всё видно гораздо лучше.
Красная щека, припухлость. Нет, мне не показалось. Он её
ударил.

Меня будто изнутри кто-то резко дёргает. Руки сами со-
бой сжимаются в кулаки. Пальцы скрипят. Кожа на костяш-
ках натягивается.

Я найду его, и сломаю ему руки к чертям собачьим. Мысль приходит чётко. И тут же приходится её гасить. Не сейчас. Сейчас он не на первом месте.

Я перевожу взгляд на Алису. Она рядом. Она контролирует ситуацию. С ней Лене будет легче.

Я заставляю себя выдохнуть. Чуть отпускает. Мы садимся за стол. Я должен молчать.

Лена, конечно, сначала говорит, что всё в порядке. На автомате. Так говорят те, кого слишком долго заставляли молчать.

Я не выдерживаю:

- Не в порядке.

Потом она тихо говорит, что он придёт за ней, и я отвечаю резче, чем надо:

- Пусть попробует прийти.

Алиса тут же бросает на меня взгляд. Всё понимаю. Слишком резко. Сейчас так нельзя.

Она переводит разговор на клубы, объясняет про самооборону, про помощь, про то, что тут её не оставят одну. И только после этого Лена наконец начинает говорить.

Сажу, слушаю, чувствую, как внутри опять постепенно закипаю, но стараюсь не показывать. То сжимаю кулаки под столом, то ловлю себя на том, что пальцы уже лежат на столешнице и костяшки побелели.

Как же вовремя приехала Алиса. Без неё я бы уже сорвался. Поехал бы искать его. И закончилось бы всё очень плохо.

А она умеет. Она знает, как говорить, как вытягивать человека из этого состояния. Сколько раз я видел это в наших клубах - девчонки приходят сломанные, запуганные, а она... шаг за шагом, спокойно, без давления, возвращает им голос.

Я смотрю на Лену. Она начинает говорить.

Сначала тихо. С паузами. С опаской.

- Я думала... что это нормально...

- Он говорил, что ревнует...

- Я перестала общаться с друзьями...

- С подругами тоже...

Алиса кивает, иногда задаёт короткие вопросы, мягко, аккуратно.

- А ты сама как это чувствовала?

- Тебе было комфортно?

- Когда стало хуже?

Лена говорит всё больше. Про мужа, про отца и мать. Про то, как постепенно осталась одна.

Я слушаю.

Внутри становится всё тяжелее. Челюсть снова сводит. Плечи напрягаются. Пальцы невольно сжимаются в кулаки. Я стараюсь держать лицо спокойным.

Но в какой-то момент понимаю - ещё немного, и я сорвусь прямо здесь. Нет. Надо выйти. Я резко встаю.

- Прости. Мне нужно... на пару минут.

Не дожидаясь реакции, разворачиваюсь и иду вглубь квартиры, в зал.

Дверь открывается, и знакомый запах - резина, металл, лёгкая примесь пота - бьёт в нос, как якорь, возвращающий в реальность.

Мой зал. Несколько тренажёров.

И в центре - груша.

Большая. Тяжёлая. Жёсткая. Идеально.

Я подхожу ближе, сжимаю кулаки.

Первый удар - глухой, плотный, отдаётся в руке. Второй - сильнее. Третий - уже с выдохом.

Звук наполняет комнату - тупой, глухой, с лёгким сопротивлением воздуха, когда кулак рассекает пространство перед ударом.

И вместе с этим начинает выходить злость.

Я бью. И думаю. Как так? Как получилось, что её довели до такого состояния?

Лену.

Ту самую девчонку, которая...

Картина всплывает сама.

Школьный двор. Алиса, маленькая, с косичками, почти плачет. Несколько пацанов вокруг, дразнят.

Я стою в стороне. Смотрю. И... не иду. Потому что боюсь - а вдруг у них есть старшие братья? А вдруг потом меня поймают? Побьют? Страшно!

И в этот момент к ним подбегает Лена. Спокойная и уверенная. Она ставит их на место, и вот Алиса уже за её спиной. Живая. Целая.

И тогда... тогда я понял. Так нельзя. Нельзя бояться, когда рядом кто-то слабее.

Я быю грушу сильнее.

С тех пор всё и началось. Тренировки. Драки. Сначала меня били, и часто. Потому что был слаб.

Но я не останавливался, потому что помнил тот момент. И её.

Да, я тогда влюбился. Глупо. По-школьному. Но так и не сказал ей. Не смог. Зато смог другое. Стал сильнее. И когда узнал, что одноклассники собираются жестоко «пошутить» над Леной... Я не сдержался. Подрался. Сильно. Слишком. Меня исключили. Пришлось уехать.

Удар. Ещё. И ещё.

Дальше - армия. Спецподразделение. Горячие точки. Раны.

Я быю, и каждое воспоминание как будто вкладывается в удар.

Потом возвращение домой.

Алиса тогда уже вышла замуж. Я думал, у неё всё хорошо. А потом однажды она пришла. Села. И тихо выдохнула: “Он плохо ко мне относится...”

В тот день муж ударил её. Но у Алисы был я. Она знала - можно прийти в любое время дня и ночи. Я всегда буду на её стороне.

Я тогда не разговаривал. Просто пошёл и... решил вопрос. Жёстко. После этого он исчез из её жизни.

И тогда появилась идея. Клубы. Самооборона. Место, куда может прийти любая. И не остаться в одиночестве.

Я бью. И вдруг понимаю - А у Лены не было никого. Со всем никого, кому она могла бы сказать: "Мне плохо".

Я видел её пару раз с мужем. Случайно, со стороны. Она улыбалась и выглядела счастливой.

И я поверил. Почему? Почему не подошёл? Почему не понял?

Удар. Злость снова накрывает. Сильнее.

Теперь на её защиту встану я. Даже если она вернётся к нему. Даже если откажется от помощи. Я всё равно сделаю так, что он больше не посмеет её обидеть. Даже взглядом.

От этой мысли становится чуть легче. Я останавливаюсь.

Дыхание тяжёлое. Руки ноют.

Меняю футболку, вытираю лицо, делаю пару глубоких вдохов. Спокойно.

Я выхожу из зала и останавливаюсь в дверном проёме кухни. Они сидят за столом. Алиса внимательно слушает. Лена говорит. Тихо. Но уже увереннее. Правильно. С Алисой ей легче. Я это понимаю.

Лена оборачивается. Смотрит на меня. Я пытаюсь улыбнуться. Но, кажется, получается плохо. Ладно неважно. Главное - она уже не выглядит так, как на остановке. Чуть меньше страха. Чуть больше жизни. Хорошо. Значит, всё не зря.

Теперь у тебя, Лена, всё будет иначе. Ты не останешься

одна. Я всегда буду где-то рядом. Даже если ты меня не будешь видеть.

Глава 9. Лена

Я поднимаю глаза - и вижу его. Глеб стоит в дверном проёме, опершись плечом о косяк, и смотрит прямо на меня, будто оценивает, всё ли со мной в порядке. В этом взгляде нет ни давления, ни раздражения, только какая-то тяжёлая, сдержанная внимательность, от которой внутри становится странно спокойно.

Он пытается улыбнуться. Получается... не очень. Уголки губ будто не до конца слушаются, лицо остаётся суровым, почти каменным, но я почему-то вижу - это не холод. Это просто человек, который не привык часто улыбаться. И самое главное - я ясно понимаю: он злится, но злится не на меня. Это осознание оказывается неожиданно важным.

Я вообще впервые за долгое время нахожусь рядом с людьми, которым можно довериться и которым не всё равно. Это новое чувство, непривычное, и от этого даже немного страшно - как будто стоишь на тонком льду и не знаешь, выдержит ли он, но при этом очень хочется сделать шаг.

Мы сидим на кухне ещё долго. Время как будто растягивается, течёт медленнее и ровнее. Алиса всё время рядом - шутит, перебрасывается фразами с Глебом, легко поддевает его, будто делает это всю жизнь.

- Ну конечно, наш суровый бизнесмен опять молчит и делает вид, что он тут самый серьёзный человек в мире.

Он фыркает, закатывает глаза, что-то бурчит в ответ, и я впервые вижу, как его лицо... меняется. Когда он улыбается, пусть даже почти незаметно, в нём появляется что-то совсем другое. Тёплое. Родное. Словно за всей этой жёсткостью и собранностью всё ещё прячется тот самый школьный хулиган, которому почему-то можно было доверять.

Алиса рассказывает про клуб. Говорит быстро и увлечённо, размахивая руками, будто это самое важное дело на свете.

- Глеб, между прочим, придумал ему пафосное название - «Своя стая».

Я невольно улыбаюсь. Но тут она, весело сверкнув глазами, добавляет:

- А мы называем его просто ПКН.

Я моргаю.

- Как?..

Она смеётся, почти заговорщически наклоняясь ко мне.

- ПКН. «Пошли козла нахрен».

Я смотрю на неё, потом на Глеба. Он уже не сдерживается - улыбается. И эта улыбка... Она тёплая. Не широкая, не показная, а настоящая. Она будто смягчает его черты, делает их не такими жёсткими, и в этот момент он становится очень... притягательным. Как будто рядом с ним можно выдохнуть. Я быстро отвожу взгляд, потому что эта мысль кажется слишком лишней.

- Давай я тебя добавлю в наш чат, - Алиса уже тянется ко

мне.

- Зачем?.. - Я немного теряюсь.

- Чтобы ты поняла, что ты не одна. Нас много.

Много. Я протягиваю телефон. Она смотрит на экран.

- У тебя даже мессенджера нет...

Мне становится неловко.

- Ладно, сейчас установим. Можно? - Алиса вопросительно смотрит на меня.

Я киваю.

- Мы будем первыми в списке контактов, - говорит она, быстро устанавливая приложение.

И в этот момент внутри снова поднимается тревога. Что скажет Антон? Я даже не произношу этого вслух, но Алиса смотрит на меня - и понимает. Просто понимает.

- Ты думаешь вернуться к нему?

Вопрос звучит спокойно, без давления. Но от него становится холодно.

- Мне... некуда идти, - я опускаю глаза. - Придётся.

И в эту секунду что-то внутри сжимается, как будто я сама себя запираю обратно в клетку.

- Лена, - голос Глеба звучит резко, но не грубо. - Посмотри на нас. Посмотри вокруг.

Я поднимаю глаза.

- У тебя есть вариант. Ты можешь остаться здесь. Если захочешь.

Я замираю.

- Если я тебя смущаю, я переночую в другой квартире. Здесь останетесь вы с Алисой.

Он говорит это так просто, будто предлагает самое очевидное решение.

- Придётся потерпеть Алису, - он кивает в её сторону. - Но она ненадолго. Пару недель - и уедет.

Алиса фыркает, но не спорит.

Я смотрю на него.

- Нет... ты меня не смущаешь... - голос звучит глухо. - Просто... мне нечем платить. У меня ничего нет. Даже одежды... даже денег на еду.

Словно я признаюсь в чём-то постыдном.

- Значит, оставляем этот вариант, - Алиса не даёт мне провалиться в стыд. - Можешь остаться здесь, пока не наладишь жизнь.

Я перевожу взгляд на неё, потом на Глеба. Он кивает. Без колебаний.

- Чтобы он тебя не смущал, - продолжает Алиса, - я останусь сколько нужно. Клубы и так работают. Я больше ради общения езжу.

Она уже что-то делает в телефоне. Быстро. Уверенно.

- Всё, теперь у тебя есть приложение. И контакты.

Я смотрю на экран.

«Алиса».

«Суровый увалень».

Я невольно улыбаюсь. И вдруг - новое уведомление.

Я открываю чат и вижу в чате сообщение от Алисы:

«Девчонки, всем привет! У нас пополнение, знакомьтесь, Лена».

И почти сразу - ответы. Много.

«Привет!»

«Добро пожаловать!»

«Рада знакомству!»

«Придёшь завтра в клуб?»

Я смотрю на экран и не понимаю, что происходит.

Ночь. Поздно.

А они... отвечают.

Живые. Настоящие. И им не всё равно.

Я чувствую, как внутри что-то меняется, освобождается. Это ощущение мягкое, почти бережное. Слёзы подступают сами собой - тёплые, тихие. Они приходят вместе с облегчением, с ощущением, что я больше не одна.

Я быстро моргаю, но остановить их не получается. Слишком много всего. Я поднимаю взгляд на Алису. Она улыбается. Тепло. По-настоящему. Как будто я для неё уже не чужая.

Перевожу взгляд на Глеба. Он снова пытается улыбнуться. Получается всё так же немного неловко. Но в глазах... Там уже не только злость. Там есть облегчение. И это почему-то важно.

Я печатаю. Пальцы дрожат.

«Всем привет! Спасибо вам. Я постараюсь прийти завтра!»

Отправляю. Смотрю на экран. И понимаю: это, возможно, первое решение за долгое время, которое я приняла сама.

- Ну вот и всё, - Алиса смотрит в свой телефон и довольно кивает. - Теперь не отмажешься. Завтра после обеда идём в клуб.

Она подмигивает.

- Придётся послать козла нахрен.

Я улыбаюсь сквозь слёзы. Киваю. Слёзы текут сильнее. Я пытаюсь их скрыть, отворачиваюсь, но не получается. Щёки горячие, дыхание сбивается.

- Глеб, иди в другую комнату, - вдруг слышу голос Алисы. - Нам надо посидеть девочками. Не смущай Лену. Нам тут... может, поплакать надо.

Я замираю.

Он не спорит.

- Ничего не бойся. Я рядом, - спокойно говорит он и... просто уходит.

Без вопросов. Без обиды.

И в этот момент меня накрывает окончательно. Слёзы текут свободно, без стыда и страха. Просто потому что... мне впервые за долгое время разрешили быть слабой.

И от этого внутри появляется что-то новое. Маленькое, хрупкое, но очень тёплое. Надежда.

Глава 10

Я просыпаюсь сама. Просто... просыпаюсь. И какое-то время лежу с закрытыми глазами, не двигаясь. Я всё помню. Остановку, дождь, встречу с Глебом и Алисой.

И первая мысль: о, пожалуйста, пусть это не окажется сном!

Мне страшно открыть глаза, потому что если открою - могу снова увидеть свой потолок. Свои стены. Свою прежнюю жизнь.

Я лежу, прислушиваясь. Обычно я вставала первой, тихо поднималась с кровати, стараясь не беспокоить мужа. Он, не открывая глаз, коротко давал указания, что приготовить на завтрак, и снова отворачивался, засыпая.

Сейчас... тишина. Никто ничего не говорит. Я делаю вдох и медленно открываю глаза.

Потолок - другой.

Окно - другое.

Комната - чужая.

Приходит облегчение. Я не дома. И это... не сон. Это всё правда было!

Я резко сажусь, тянусь к телефону.

9:23.

В груди что-то сжимается. Накрывает паника.

Я слишком долго спала.

Что они подумают?

Вдруг решат, что я... неблагодарная? Ленивая? Что я уже начинаю вести себя «не так»? А вдруг... передумали? Вдруг пока я спала, они решили, что это всё слишком сложно, что проще меня вернуть обратно, чем разбираться?

Паника поднимается быстро, привычно.

Я вскакиваю, торопливо одеваюсь, почти путаясь в рукавах, и выхожу из комнаты, стараясь идти тихо, аккуратно, будто могу исправить опоздание тем, что не буду мешать.

На кухне меня встречает запах кофе. Густой, тёплый, чуть горьковатый.

И... Алиса.

Она сидит за столом, обхватив кружку ладонями, и улыбается так, будто моё появление - самое обычное, ожидаемое событие.

- Доброе утро. Как спалось? Надеюсь, я тебя не разбудила шумом?

Я замираю на секунду. Это всё было сказано с заботой. Никакого недовольства или упрёка.

- Очень хорошо, - слова выходят тихо, но искренне. - Я... давно так не спала.

- Отлично, - она улыбается шире. - Неудивительно, у тебя вчера был тяжёлый день.

Алиса наклоняет голову, будто обдумывает что-то важное.

- Ты как предпочитаешь: сначала кофе, потом душ, или

наоборот?

Я смотрю на неё, и внутри поднимается тёплая, почти болезненная волна - неожиданная, непривычная.

Моё мнение... её действительно интересует моё мнение.

В таких простых, почти незаметных мелочах, в том, что раньше даже не считалось важным.

Мне хорошо знакомо как подстраиваться, угадывать чужие желания. Делать так, как надо. Я уже забыла, каково это - делать так, как хочу.

- Душ... - отвечаю неуверенно, будто проверяю, можно ли так.

- Отлично, - Алиса кивает с лёгкой улыбкой. - Начало положено. Пошли, покажу всё.

Начало. Слово звучит странно. Но... приятно.

Мы идём по коридору, и я снова ловлю себя на том, что двигаюсь осторожно, будто боясь задеть стены, мебель, пространство вокруг, ведь всё это слишком дорогое, слишком чужое.

Проходя мимо ванной, Алиса привычно бросает в сторону двери:

- Глеб, заканчивай, нам скоро понадобится ванная! Или вызови уже мастера, почини вторую!

Из-за двери доносится глухой ответ, с лёгкой усмешкой:

- Я и сам могу. Просто раньше не нужна была.

Щёлкает замок, дверь открывается, и я замираю.

Он выходит. Без футболки, только в домашних штанах. И

я не успеваю отвести взгляд.

Высокий. Широкие плечи. Каждая мышца очерчена чётко, без лишнего, без перегруза, просто... сила.

На груди две татуировки - линии, узоры, уходящие за спину через плечи. Или это одна большая, которая соединяется на спине? Я не успеваю разобрать.

Внимание переключается на... шрамы. Старые, светлые, неровные. Они не портят, они... добавляют истории.

Я понимаю, что смотрю слишком долго, и внутри вспыхивает смущение. Жар поднимается к щекам, но взгляд будто не слушается.

Алиса хмыкает:

- Значит, мне вчера говорил одеться, а сам вон чего!

Он бросает на неё короткий взгляд, в котором мелькает тень улыбки.

- Доброе утро. Ванная свободна. Я оденусь.

И проходит мимо.

Смотрю на спину. Да, это одна большая татуировка. На спине линии соединяются в сложный узор. И я снова понимаю, что смотрю слишком долго.

Я чувствую, как за ним остаётся лёгкий запах - что-то свежее, чистое, с примесью мужского геля для душа, и этот запах неожиданно успокаивает.

В комнате Алиса сразу начинает собирать меня: открывает шкаф, достаёт и раскладывает вещи.

- Так, вот халат, полотенца, новая зубная щётка. Паста в

ванной. - Она кивает на столик, заставленный баночками, флаконами, тюбиками. - Не знаю, что ты предпочитаешь. Посмотри и возьми всё, что надо. Не стесняйся.

Я стою и смотрю. Хочу поблагодарить, но не получается. Не могу подобрать слова. Да и не знаю, можно ли вообще выразить словами ту благодарность, которую я ощущаю.

- Твоя одежда уже высохла, - продолжает она, как будто это само собой разумеется. - Но сегодня всё равно заедем в торговый центр. Купим тебе повседневную одежду, всякие мелочи. И форму для зала.

Одежда, зал, бытовые мелочи - всё это звучит так странно, будто у меня снова может быть нормальная жизнь.

- У меня нет де... - я начинаю, но не успеваю закончить.

- Я понимаю, - мягко перебивает Алиса. - Но деньги сейчас не твоя первая проблема. Сначала безопасность, одежда и нормальный завтрак. Остальное решим.

Я киваю, потому что спорить нет сил и потому что... хочется поверить.

Тёплая, почти горячая вода смывает остатки вчерашнего дня. Напряжение и страх на какое-то время уходят. Я стою под струями душа дольше, чем обычно, позволяя им стекать по плечам, по спине.

Никто не стучит.

Никто не торопит.

Никто не спрашивает, сколько можно.

Смотрю на себя в зеркало - лицо свежее, без макияжа, ще-

ка всё ещё чуть розовая, но это уже не так бросается в глаза.

Я заворачиваюсь в халат, выхожу и направляюсь на кухню. Глеб и Алиса сидят за столом, и что-то обсуждают. Я оста-навливаюсь на секунду в дверях. Смотрю.

- О, вот и ты, - Алиса поворачивается ко мне. - Мы тут набросали вариант плана. Но ты скажешь, если не готова, ладно?

Я киваю.

Меня не ведут силой. Мне предлагают. А я могу выбирать.

- Сначала едем в торговый центр. Покупаем всё, что нужно. Потом в зал. Глеб подъедет туда позже - ему надо проверить, как идёт подготовка к открытию спорткомплекса. И это хорошо, не будет путаться под ногами, пока мы по магази-нам ходим.

Алиса заговорщически улыбается и подмигивает.

Я киваю. Впервые за долгое время мысли о будущем не вызывают во мне страха.

Из этого приятного ощущения меня выдёргивает теле-фон.

Он резко и громко начинает вибрировать в руке.

Как и раньше, сердце сразу сжимается.

Глава 11

Я опускаю взгляд на экран, и всё внутри мгновенно замирает.

Антон.

Одного имени хватает, чтобы дыхание сбилось, в груди стало тесно, а пальцы перестали слушаться. Телефон вдруг кажется не просто телефоном, а чем-то, от чего невозможно спрятаться. Даже если очень хочется.

Чувствую, как бешено колотится сердце.

Я уже почти провожу пальцем по экрану - автоматически, как всегда. Не думая и не выбирая. Потому что если он звонит, значит, нужно ответить. Значит, нельзя игнорировать. Значит...

- Лена, не бойся, всё в порядке. Это он?

Низкий, спокойный голос Глеба вырывает меня из ступора. Он как будто не задаёт вопрос, а просто удерживает меня здесь, в этой кухне, в этой реальности.

Я отрываюсь от телефона.

Смотрю на них.

- Да...

Алиса чуть наклоняет голову и смотрит на меня мягко, будто всё происходит именно так, как должно.

- Отлично. Ты хочешь с ним разговаривать?

Я замираю.

Хочешь?.. Мысль не укладывается сразу. При чём тут - хочу? Если он звонит - надо ответить. Это не обсуждается. Это правило.

Но...

Я больше не одна.

Эта мысль приходит неожиданно.

Я смотрю на Алису - она улыбается.

Смотрю на Глеба - его внимательный, спокойный взгляд как будто держит меня.

- Не бойся. Всё в порядке. Ты не одна.

Я сглатываю.

Мне нужно что-то им ответить. Я не могу снова соврать. Не сейчас.

Я должна сказать правду, что я чувствую на самом деле.

- Нет... - тихо и неуверенно выдавливаю я.

Алиса кивает, будто именно этого и ждала.

- Хорошо. Это твой выбор. Мы его поддерживаем.

Это звучит так просто, что я вдруг понимаю: для них мой выбор правда имеет значение.

Мой выбор.

Он... есть?

- Тогда пошли пить кофе и завтракать. Только звук отключи, ладно? - она чуть усмехается. - Сейчас начнёт названивать. Потом писать. Потом снова звонить. Зачем тебе тратить лишние нервы? Потом разом всё посмотрим. И как-ни-

будьотреагируем... или неотреагируем.

Она легко улыбается. Как будто это действительно не важно.

Как будто... можно не реагировать.

Я дрожащими пальцами нажимаю на экран, отключаю звук и кладу телефон на тумбу у дивана.

Подальше.

Потому что если возьму с собой - я не выдержу. Буду смотреть. Считать звонки. Бояться.

Мне очень страшно. Но глядя на них, страх понемногу отступает.

- Какой кофе тебе нравится? - Глеб смотрит прямо на меня. - Покрепче, помягче? С молоком или без?

Я на секунду теряюсь.

- Чёрный... крепкий... с сахаром.

Я почти забыла, как это - самой решать, добавлять сахар или нет.

Антон не разрешал. Говорил, что я располнею. А я всегда любила с сахаром.

Глеб кивает и проходит к кухонной стойке. Он достаёт чашку, находит кофе, сахар, ставит всё рядом, и в этих простых движениях почему-то есть что-то удивительно тёплое, домашнее. Я смотрю на его широкую спину, на руки, которые легко управляют с обычными мелочами, и ловлю себя на том, что просто люблюсь им.

Он готовит кофе.

Для меня.

Не я для кого-то.

А кто-то - для меня.

Мужчина.

Это непривычно. Странно, слишком по-новому, поэтому я невольно опускаю взгляд на столешницу, поправляю край рукава и чувствую, как к щекам поднимается тепло.

- Смотри, не сожги ничего. Когда ты последний раз сам готовил? - поддевает его Алиса, и смущение будто немного отступает.

Я понимаю: они оба стараются. Осторожно, почти незаметно. Чтобы мне стало спокойнее.

Она наклоняется ко мне, почти заговорщически.

- Ну что, спиной полюбовались? Давай список составлять.

Я резко отвожу взгляд от Глеба, чувствуя, как горят щёки. Смущённо смотрю на неё.

Алиса подмигивает и с улыбкой кладёт передо мной блокнот и ручку.

- Начнём. Первое - одежда. Второе - кроссовки. Третье... нижнее бельё, - тихо добавляет она, чтобы слышала только я. - Четвёртое...

Она делает паузу и уже громче продолжает:

- Средства гигиены.

Глеб оборачивается, в голосе скользит интерес:

- А что было третье? Я не расслышал.

- Не твоё дело, это наше, девчачье. И не подслушивай, - с

лёгким укором отвечает Алиса и тут же снова наклоняется ко мне. - Так, четвертое записали. Давай, подключайся. Что ещё понадобится, что хочешь взять?

Я смотрю на лист, сжимаю ручку чуть крепче и понимаю, что теряюсь. Я давно не думала о том, что хочу именно я. Только о том, что можно и что разрешено.

А... что хочу я? От этого к горлу подступает тёплый ком. Мысли обрываются, когда рядом раздаётся голос Глеба.
- Лена, твой кофе.

Я поворачиваюсь, вижу кружку, из которой поднимается пар, чувствую запах - крепкий, насыщенный, с лёгкой горечью. Автоматически тянусь рукой, чтобы помочь, перехватить, как всегда, как привыкла - нельзя просто сидеть, если кто-то что-то делает для тебя.

От смущениядвигаюсь слишком резко и задеваю рукой кружку. Она чуть наклоняется.

Она опасно кренится, и горячий кофе выплёскивается на стол и его руку.

Всё происходит за секунду.

- Ой... - у меня перехватывает дыхание. - Прости... я сейчас... я уберу... тебе не больно?..

Я уже тянусь за салфетками, не поднимая глаз, ожидая...

Резкого слова. Недовольного взгляда. Того самого раздражения, которое всегда появлялось, если я делала что-то не так.

- Лена, не беспокойся. Всё в порядке.

Голос у него ровный. Без злости.

Я замираю.

Он берёт салфетку, и уверенными движениями, аккуратно промакивает пятно, второй собирает остатки влаги.

- Ну вот и всё. Ничего страшного.

Я смотрю на его руку и вижу, как на коже уже проступает яркое покраснение от горячего кофе.

- С рукой тоже всё нормально. Я даже не заметил.

Не заметил?..

Как можно не заметить? Кофе был горячий. Я вижу след. Я знаю, как это больно.

Но он...

Он не злится и не обвиняет.

Просто... убрал. И всё. Неужели так бывает?

Глеб садится за стол, будто ничего не произошло, и мы продолжаем завтракать.

Алиса время от времени вспоминает ещё какие-то мелочи - резинки для волос, крем, носки, какие-то баночки, про которые обычно вспоминаешь только тогда, когда они заканчиваются.

Я слушаю. Иногда киваю, иногда что-то тихо добавляю.

Телефон на тумбе продолжает мигать от непрекращающихся звонков и сообщений.

Сначала я смотрю на него. Считаю вызовы. Жду, следующих. Потом... перестаю.

И это очень непривычное ощущение. Будто я привыкла к

этому шуму и перестала его замечать.

- Ну всё, - Алиса смотрит на часы. - Пора. Двенадцать тридцать. Надо всё успеть. Магазины сами себя не обойдут.

Я всё ещё боюсь, что всё это закончится. Что сейчас кто-то скажет: “Хватит, пора возвращаться”. Но во мне уже просыпается давно забытое чувство - радость.

Потому что впервые за долгое время я иду не туда, куда должна.

А туда, куда хочу.

Глава 12

Мы выходим вместе, воздух на улице кажется непривычно свежим, почти холодным после тёплой квартиры, пахнувшей кофе и чем-то домашним. Глеб провожает нас до машины Алисы, машет рукой - легко, будто это обычный день, будто ничего особенного не произошло, и мы уезжаем по своим делам.

Я провожаю взглядом его чуть дольше, чем нужно, ловлю себя на этом и быстро отворачиваюсь, словно меня могут поймать за этим. В груди странное ощущение - не тревога, уже нет, скорее остаточное напряжение, как эхо.

В торговом центре шумно, светло, слишком много людей, слишком много звуков - шаги, голоса, музыка, запахи духов, кофе, новой одежды. Всё это наваливается сразу, и в первые минуты я будто теряюсь, держусь ближе к Алисе, как за ориентир, как за точку опоры. Мы идём по списку, всё правильно, всё логично, так привычнее.

Я вдруг вспоминаю про карту мужа, пальцы сами находят её в кошельке, и сердце сжимается - можно ли? имею ли право? что будет потом? Но я всё равно протягиваю её на кассе. Писк терминала звучит слишком громко. Оплата проходит. Я почти не дышу в этот момент. Получилось.

Во втором магазине - уже нет. Сухой отказ. На экране - блокировка. Внутри что-то падает, но... не разбивается.

Просто опускается куда-то глубже. Алиса смотрит на меня внимательно, чуть прищурившись, и в её взгляде нет ни жалости, ни паники, только понимание и какая-то лёгкая насмешка.

- Странно, что-то долго он тянул. Обычно блокируют сразу, как перестают отвечать, - в её голосе слышится лёгкость, почти игра, и она достаёт свою карту. - Ну что, начинаем тратить деньги сурового бизнесмена. А то что он, только работает и работает... Надо когда-то и тратить.

Она спокойно расплачивается. Как будто это нечто естественное, и мир не рухнет из-за заблокированной карты.

Странно... Я чувствую страх. Но он уже не тот. Он слабее. Он не сжимает горло. Я всё ещё боюсь... но я не чувствую безвыходности.

Мы идём дальше, и Алиса всё время рядом - живая, лёгкая, будто ей действительно интересно всё вокруг.

- Хочешь сюда зайдём?

- А сюда?

- Может, мы забыли что-то записать? Зайдём - увидим, вспомним.

Я сначала не понимаю. Как это - «хочешь»? Есть список. Есть задача. Есть «надо». Если есть в списке - идём. Если нет - проходим мимо. Всё просто, безопасно и понятно.

Но она продолжает спрашивать. И я вдруг начинаю прислушиваться к себе. Сначала неуверенно, почти наугад. Вот сюда хочу. Просто... хочу. А в тот магазин - вроде бы надо,

но мне не нравится, как на нас смотрят продавцы, этот холодный, оценивающий взгляд, будто мы уже что-то им должны. И внутри поднимается тихое «не хочу».

Я останавливаюсь. Прислушиваюсь к этому ощущению. Оно новое и непривычное. Но оно есть.

- Отлично! - Алиса улыбается широко, одобрительно, как будто я только что сделала что-то очень важное. - Вот видишь, это легко. Ты можешь понимать, что ты хочешь, а что нет. И мы принимаем решение исходя из этого. Кроссовки купим в другом магазине. Их тут много.

И в этот момент меня словно накрывает понимание. Она не просто водит меня по магазинам. Она учит меня. Медленно, аккуратно, почти незаметно - как ребёнка. Учит слышать себя. Учит выбирать. Учит, что можно... хотеть.

От этой мысли внутри становится так тепло, что глаза начинает предательски щипать. Я отворачиваюсь, делаю вид, что рассматриваю витрину. Но прекрасно понимаю Алиса успела заметить.

Вдруг она замирает, вглядываясь куда-то за мою спину. Я сразу напрягаюсь. Сердце пропускает удар.

Первая мысль - Антон. Да нет, не может быть, она его не знает. Видя широкую улыбку Алисы, я понимаю всё в порядке.

- Ого, знакомые лица. Наши девчонки идут. Сейчас познакомлю.

Она поднимает руку, начинает активно махать.

- Девчонки! Привет!

Я смотрю на компанию, девчонок. Пять... шесть... может больше.

Они идут вместе, смеются, разговаривают, кто-то жестикулирует, кто-то толкает подругу плечом, в этом движении столько лёгкости, жизни, что я невольно замираю.

Они замечают нас. Машут в ответ и ускоряют шаг.

По мере их приближения, я вижу, что они такие разные. По возрасту, по внешности, по стилю.

Но... одинаковые в одном, они все веселые и открытые.

Алиса здоровается и представляет меня.

И они - по очереди, перебивая друг друга, смеясь - называют свои имена, добавляя, что Алиса их, конечно, не помнит по именам, потому что у неё слишком много людей во круг, которым она помогла.

- Да и не за имена мы её любим, а за сердце. За то, что она людей не бросает! - рассмеялись девчонки.

Они говорят, что вчера видели сообщение в чате, в который меня добавила Алиса, что я почти ничего не писала, что они переживали.

Переживали.

Я не могу поверить. Они даже не знают меня.

Но... переживали.

Алиса отмахивается легко, что не хотелось лезть в телефон.

Я привычно, тихо извиняюсь и добавляю, что не смотрела

сообщения со вчерашней ночи.

Они улыбаются.

- Да ничего страшного! Главное, что ты в порядке.

- Мы поможем. Обращайся в любое время. Нас много.

В любое время. Это звучит так просто.

- Вы сейчас куда?

- Ещё по магазинам, - Алиса кивает на пакеты.

- Ну тогда до встречи в зале!

- Обязательно!

Мы прощаемся.

Они уходят так же шумно, весело, продолжая смеяться, обсуждать что-то своё.

А я стою и смотрю им вслед. Оказывается... Вокруг так много людей, которым не плевать.

И они даже не знают меня.

А я...

Я столько лет жила, думая, что выхода нет.

Глава 13

Мы останавливаемся у здания почти в центре города, и я невольно поднимаю голову, разглядывая его - большое, вытянутое в ширину, но не высокое, с широкими окнами, через которые видно движение внутри, свет, силуэты людей, и на фасаде крупными буквами - «Фитнес-центр “Сила, дух и честь”», а чуть ниже - ещё одна яркая вывеска, почти дерзкая по настроению: «Клуб самообороны “Своя стая”».

Алиса тихо смеётся рядом, глядя на моё лицо.

- Глеб мастер пафосных названий. Это один из его фитнес-центров. А это - наш клуб.

Мы заходим внутрь, и меня сразу накрывает ощущение пространства - большого, живого, наполненного движением и звуками.

Зал разделён на несколько зон, но нет ощущения перегородок - всё открыто, свободно, воздух будто двигается вместе с людьми.

Слева - маты, на которых тренируются девушки, кто-то отработывает приёмы, кто-то просто учится держать равновесие, смеётся, падает, поднимается.

Чуть дальше - груши, подвешенные в ряд, и по ним бьют - ритмично, уверенно, кто-то резко, кто-то осторожно. В другой части зала - небольшие группы, кто-то просто сидит на полу, разговаривает, делится чем-то, смеётся, обнимается.

И все... живые, настоящие. Здесь нет ни напряжения, ни страха.

Алиса поднимает руку, машет, и её голос разносится по залу:

- Девчонки! Привет!

Сразу откликаются голоса. Они звучат по-разному - низкие, звонкие, тихие, громкие - но в каждом слышится смех.

- Алиса!

- Привет!

- Наконец-то!

Кто-то шутит, кто-то кричит что-то с другого конца зала, кто-то просто улыбается и машет.

Я замираю рядом, не зная, куда деть руки, куда смотреть, но Алиса уже тянет меня чуть вперёд.

- Знакомьтесь, это Лена. Наша новенькая.

И в этот момент на меня обрушивается... тепло.

- Привет!

- Добро пожаловать!

- Рады тебе!

Кто-то подходит сразу, кто-то чуть позже. Не все вместе - по одному, по двое, по трое. Как будто не спеша, давая мне время привыкнуть.

Пока Алиса показывает мне зал, объясняет, где что находится, ко мне подходят девушки - разные, с разными голосами, разной внешностью, разной энергетикой, но с одинаковым участливым взглядом.

Они называют свои имена, улыбаются, говорят, что рады, что я пришла, что у меня всё получится, что если что - можно обращаться в любое время.

И это не звучит как заученные фразы.

Это звучит... по-настоящему.

Откуда вас столько?.. Почему я раньше вас не нашла?.. Почему я столько лет думала, что я одна?...

С каждым новым знакомством в горле становится всё плотнее.

Слёзы подступают, но я сдерживаюсь.

Потому что... не от боли.

От того, что внутри что-то меняется.

Я не одна.

Мы идём дальше, и Алиса ведёт меня в отдельный зал - меньше, тише, здесь висит большая груша, чуть потёртая, видно, что её часто используют.

Кто-то из девушек уже здесь. Они смотрят на меня с интересом, но без давления.

Одна протягивает перчатки.

- Попробуешь?

Я сразу качаю головой.

Нет.

Это не моё.

Я не умею.

Я боюсь.

Но они не отступают. Не дают. Просто... убеждают.

- Не бойся.

- Это не про силу.

- Это про решиться.

Решиться... я вообще умею решаться?..

Я смотрю на грушу. Она кажется очень большой и тяжёлой. Как будто это не просто предмет.

Как будто это...

Я медленно надеваю перчатки. Они немного большие, пахнут кожей и чем-то ещё.

Подхожу ближе. Поднимаю руку и бью.

Получается очень слабо и неуклюже.

Груша едва качается.

- Отлично!

- Молодец!

Голоса вокруг. Они поддерживают, подбадривают.

Я пробую ещё.

Удар.

Всплывают обрывки воспоминаний.

Его лицо.

Его слова.

Пощёчина.

Ещё удар.

Как он смотрел.

Как выгонял.

Как я стояла в подъезде.

Ещё.

Я не видела выхода.

Я не знала, куда идти.

Я бью снова и снова.

Слабо. Неумело.

Но...

Страх начинает отступать. И на его месте появляется что-то другое.

Горячее. Резкое. Наверное так ощущается злость.

Почему?.. Почему со мной так?.. Почему я это терпела?..

Я продолжаю.

Девушки рядом.

Я слышу их голоса. Они подбадривают, кто-то громче, кто-то мягче. Но все - рядом.

И в какой-то момент я понимаю - всё.

Пока хватит.

Я опускаю руки. Дышу тяжело. Сердце бешено стучит.

- Это очень важно, - кто-то рядом. - Ты сделала первый шаг.

Первый шаг.

Мы возвращаемся в общий зал, и дальше время будто растворяется.

Мы говорим.

Слушаем.

Кто-то делится своей историей.

Кто-то просто сидит рядом.

Люди меняются - кто-то уходит, кто-то приходит, но ощу-

щение поддержки остаётся. Я чувствую её почти физически.

Я могу стать частью этой стаи. Я... не одинока.

Мне предлагают обмениваться контактами.

Я достаю телефон и замираю.

32 пропущенных. Сообщений ещё больше.

Антон.

Страх возвращается резко. Я чувствую, как внутри всё сжимается.

Девушки рядом замечают.

- Всё нормально.

- Так всегда бывает.

- Не переживай.

Я киваю. Глубоко вдохнув, решаюсь открыть сообщения.

«Ты где.»

«Я жду.»

«Ты почему не отвечаешь, оглохла что ли.»

Дальше - хуже.

Оскорбления.

Угрозы.

Я быстро пролистываю вниз до последних сообщений.

«Если ты думаешь, что я тебя не найду, ты очень сильно ошибаешься.»

По спине пробегает холод. Вся уверенность... будто улечивается.

В этот момент - телефон начинает вибрировать. Я вздрагиваю и смотрю на экран.

«Суровый увалень».

Я не переименовала его. Надо переименовать, а то разозлится.

Алиса наклоняется, заглядывает в экран.

- О, братик! Как раз вовремя. Ответь, а то он волнуется.

Я нажимаю.

- Лена?..

Будто он сначала просто проверяет - я ли это.

Его уверенный голос, заставляет меня немного успокоиться и отодвинуть страх.

- Да...

- Я уже почти рядом, - мягко, без спешки. - Вы в зале?

- Да...

Короткая пауза.

- Ты как? Всё нормально?

Он не торопит.

Не требует.

Просто... интересуется.

- Да...

Я слышу, как он выдыхает, едва заметно.

- Хорошо.

Ещё пауза.

- Вы не ели ещё?

Я чуть теряюсь.

- Нет...

- Давай тогда я подъеду, и все вместе что-нибудь переку-

сим, ладно? - всё тем же спокойным голосом, будто предлагает, а не решает за меня. - После такого дня лучше не оставаться голодной.

Не «надо».

Не «должна».

Просто... забота.

Я киваю, хотя он не видит.

- Хорошо...

- Я через десять минут буду. Не спешите, я подожду.

И это «подожду» звучит очень важно.

Я выдыхаю.

- Хорошо...

- Увидимся через десять минут.

Я отключаюсь. И понимаю - мне стало легче. Поворачиваюсь к Алисе, пересказываю о чём договорились с Глебом..

Мы прощаемся с девочками. Обнимаемся. Смеёмся.

- До встречи!

- Ждём тебя завтра!

Дверь закрывается за спиной. Я выхожу первой. Алиса сказала, что надо сходить в туалет, через пару минут меня догонит.

Свежий воздух.

Я делаю шаг и замираю.

Перед входом - машина.

А рядом...

Антон.

Он стоит, чуть наклонив голову, и на губах - эта знакомая, злая усмешка.

У меня внутри снова всё сжалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.